

Павел КАЛИКИН

Веретёнушка
Сказка

Как провела я лето?.. Так я вам и сказала... А если и скажу, разве вы мне поверите?

Большую часть лета провела я в деревне — у бабушки Иринушки. Так провела, как вам и не снилось.

Спать укладывала меня бабушка на перину пуховую, а я украдкой на сеновал убежала. Парным молоком потчевала меня бабушка, а я тайком тем молоком телёнка из соски поила. В русской печке пекла мне бабушка калачи сметанные, а я те калачи цыплятам крошила — в решето их заманивала. Раскрасила я петуха краше радуги. Научила козлёнка бодаться, цепного пса — служить и лапу подавать. Нашалилась я, набедокурилась всласть, а бабушка Иринушка в ответ на все мои проказы только приговаривала: «Ну, егоза, ну, веретено!»

— Егоза — это кто? — спросила я бабушку.

— Егоза — это тот, кому на месте не сидится, кто угомону не знает, у кого взгляд пытливый, а руки шkodливые. Козу-егозу хворостиной секут...

— А веретено — это кто? — перебила я.

— Веретено? — задумалась бабуленька. — Ты в чулан загляни. Видишь на комодке палочку точёную? Это и есть веретено.

— Чем же эта палочка на меня похожа?

— А вот смотри...

С точёной палочки смотала бабушка шерстяную нить, на пальцах чуть приподняла, а палочку свободной рукой как крутанёт — закрутилось веретено, завертелось, вместе с ним нить крутится, свивается.

— Ну?.. На кого похоже? — спросила бабуленька, а глаза смеются. — Только веретено не впустую крутится. Нитка глянь-ка, какой прочной стала. Хочешь, научу? Будем прясть по вечерам да песни петь.

Песни петь бабуля большая охотница. А я люблю ей подтягивать. Если слов песни не знаю, подтягиваю припев, а если выучила уже, на пару поём. Бабушка запеваёт, а я подхватываю. Иной раз кивнёт она мне — я мелодию веду. Голос-то у меня потоньше будет, так высоко забираюсь, что у бабуленьки слеза наворачивается. Однажды так я разохотилась, что повела песню, которую бабушка мне не певала ни разу. Чуть-чуть не погорела.

— Ты откуда слова-то знаешь? — спросила бабушка.

— Кажется, в школе пели... Или по радио...

Ответила и покраснела: вот сейчас, сейчас заметит бабушка и поймёт, что соврала.

— Ишь ты, — качнула бабуленька головой. — Должно быть, в школе. По радио нынче таких песен не поют...

Значит, не заметила, подумала я, а щёки огнём пылают. Оно бы понятно было, если бы прежде никогда я бабушку не обманывала, а то ведь что ни день такого напридумываю, такого нарасказываю, а она всё слушает и только удивляется. Вечером сядем в дурачка играть, я её даму валетом бью, а сама объявляю, мол, король, — она и верит, а я ещё смелее её обманываю. Так и выигрываю. А тут словно подменили меня: и краснею, и щёки горят, а правду ну никак невозможно сказать. Потому что в правде этой тайна. Не моя, а...

Вот, чуть было не проговорилась. А ведь клятву давала. Страшную. Если её не сдержать, кто знает, что с Веретёнушкой станется. По головке уж точно её не погладят.

Кто такая Веретёнушка?.. Ах ты, ох ты! Проговорилась, болтушка несносная! В кои-то веки доверили мне настоящую тайну, а я...

К тому же ещё и вруша. Никто мне этой тайны не доверял. Я её в щёлочку подсмотрела, подслушала.

На ночь глядя — да чуть ли уже не в полночь — пробиралась я на сеновал. Вдруг вижу — в боковушку дверь едва притворена, слабый свет пробивается и бабушкин голос чуть слышно:

— И такого страха я натерпелась...

Была бы я поумнее да помирнее, узнала бы, что могло так бабуленьку напугать, а мне вздумалось в щёлочку заглянуть. Ну и угодила в угольное ведро.

А больно-то как! А грохот-то какой! До сеновала на одной ноге допрыгала, по лестнице почитай на одних руках вскарабкалась, в сено — плюх, а из-под ног с диким воплем кот Васька...

Вот ему-то от бабушки и досталось. А я время выждала, спустилась крадучись и в щёлочку издалека заглянула. Горит в боковушке светильничек, вполоборота ко мне сидит за столом моя бабуленька, а напротив — старушка незнакомая. Странная какая-то старушка. Волосы словно льняные, длинные, сзади собраны, еловой шишкой вместо заколки скреплены, брови наспех углём подведены, на шее — бусы из рябины в три ряда, на голове из кленовых листьев кокошник мелким бисером расшитый, а с кокошника серебряные монетки свешиваются — стоит головой шевельнуть, монетки перезваниваются...

Сидят две старушки, о чём-то беседуют. По столу гречка рассыпана, вот они за беседой шелуху выбирают, а крупу в кучку сгребают.

Подобраться ближе да послушать я не решилась. Зато на следующее утро...

— И кто это ночью за стенкой, — спрашиваю, — всё бу-бу-бу да бу-бу-бу?

— Полно, — отмахнулась бабушка. — Кому там быть, за стенкой-то? В доме ты да я, да Васька-кот. Дверь на щеколде. Должно быть, приснилось. А может, ветер в трубе...

Я сделала вид, что поверила, а вечером следующего дня сказала, будто к подружке побежала посумерничать, а сама на печку юркнула да там и затаилась.

Ну да, затаилась. На печке с зимы, кроме кота Васьки, никого не было. Я такую пыль подняла — едва не расчихалась, не закашлялась. Хорошо, что бабуленька в хлеву со скотиной управлялась. Вернулась она, в кухне занавеску задёрнула, чайник на плиту поставила, вроде бы села носок вязать. Я и не заметила, откуда вдруг появилось веретено. Высоко в левой руке держала бабушка нитку, а правой, пальцами, крутанула веретено. Крутанула и бормочет:

*Веретёнка, Веретёнка,
Вейся, нитка, вейся, тонка,
Красной девкой обернись,
В светлой горнице явись!*

Вертится, крутится веретено всё быстрее и быстрее, и растёт оно ввысь и вширь. Глядь — уже не точёная палочка вращается, а будто чья-то голова. Ну, так и есть! Вот он — кокошник из кленовых листьев, звонкие монетки по краям, льняные волосы шишкой сколоты, руки крыльями разбросаны, расшитый орнаментом сарафан фонарём раздулся, а ноги в лапоточки обутые семят.

— И-и-и-и-их!

Ногой притопнула и остановилась, замерла.

— Ну, здравствуй, сестрёнка Веретёнка.

— И тебе, Аринушка, здравствовать.

Обнялись старушки, расцеловались.

— Что-то рано ты нынче чаёвничать собралась.

— А чего тянуть? — отвечала бабуленька, разливая чай. — Внучка к подружке убежала. Сумерничать собрались. А мы чем хуже? Пораньше начнём, попозже закончим — то на то и выйдет.

— Хороша у тебя внучка, — отозвалась Веретёнка, принимая чашку.

Тут они слово за слово обо мне поговорили и, как водится, о современной молодёжи. Будто я и не молодёжь уже.

Ну да это не главное. За беседой попивают бабуленьки чаёк — с блюдечка, с вареньем вприкуску, с конфеткой вприглядку.

— Хорош у тебя, Аринушка, чаёк, — говорит Веретёнка, подливая в чашку. — Душист. Давно такой не пивала.

— Кстати, о вареньеце, — оживилась бабушка. — Оно и желейное, и душистое, а сама-то ягода... Вот скажи ты мне, куда та вишня подевалась? На рынке, скажем, все ряды обойду — ну нет ни у кого той вишни, что прежде была. И вкус не тот, и аромат не тот. У себя в саду я какие только сорта не перепробовала, откуда только саженцы ни привозила — всё не то. Такой, как в детстве, и в помине нет.

— А соседская, поди, ещё и слаще своей была, — подмигнула Веретёнка.

— Вот и не угадала. У соседей вишня была крупнее, но не слаще. Даже, я бы сказала, с горчинкой. Может, стара я стала и настоящего вкуса не слышу?

— Всё может быть, — пожалала старушка плечами, и серебряные монетки зазвенели. — А вот мы сейчас проверим.

Выбралась Веретёнка из-за стола, огляделась по сторонам, вышла в сени, минуты через три вернулась с полным решето спелых ягод.

И это в середине июня, когда и земляника ещё в новинку. А бабуленька моя даже бровью не повела. Ей вроде как и не в диковинку. Взяла она одну вишенку, в рот положила и глаза прикрыла. Сидит неподвижно, а по щеке слезинка скатывается. Смахнула бабушка слезинку, глаза открыла, улыбнулась.

— Как и благодарить тебя? — говорит. — Будто в детстве побывала...

— А ты ещё ягодку скушай. Глядишь, и не такое припомнится.

— Ну уж нет, Веретёнка, — не согласилась бабушка. — Слаще этой ягодки уже не будет. Остальное, с твоего позволения, я внучке оставлю. Должна же она хоть раз настоящей вишни попробовать...

Этой вишней я весь следующий день объедалась. Вроде небольшое было решето, а ягоды в нём поместилось! И какой! Такой вишни и вы никогда не пробовали, и мне вряд ли когда-нибудь ещё доведётся. Права бабуленька: не водится больше на белом свете такой вишни.

Кстати, о белом свете: испугалась я за бабуленьку. А ну как эта Веретёнка какая-нибудь нежить? А бабушка и не догадывается...

Подумала я так, захолонуло сердце и тут же отлегло. Какая уж там нежить — тени во всю стену к потолку тянутся, бабуленьки моей и Веретёнки. А ещё припомнила, как несла Веретёнка над столом чашку, локтем за что-то там задела, горячим чаем руку облила — от боли вскрикнула. А нежить — она боли не знает.

И всё же с той поры я за бабуленькой не только из любопытства приглядывала. Что если притворяется Веретёнка, а сама не из плоти? Да и откуда плоть взялась, если она чуть ли не из воздуха — из веретена к нам явилась? А исчезает и вовсе незнамо как. Допели песню, встала из-за стола:

— Ну, Аринушка, мне пора.

И нет её, как не было.

Не раз приходила в голову шальная мысль — застать врасплох Веретёнку с бабушкой. Интересно было бы посидеть с ними, почаёвничать. Я бы тихо сидела, слушала их беседу, с вопросами не встревала. Разве что, когда песню запоют, подтянула бы и сплясала, если до танцев дело дойдёт...

Думала я думала, как бабуленьку на откровенный разговор вызвать, а бабуленька возьми да преподнеси мне сюрприз, какого и врагу не пожелаешь. Подоила она корову, отцедила через марлю молоко, стала ее прополаскивать, да так и села на табурет. Руку к груди прижала, глаза широко открыты, дышит словно через раз, будто с боязнью, на вопросы не отвечает, а сама всё только «ах» да «ох».

Испугалась я, как ещё никогда не пугалась: плачу, по голове, по рукам её глажу, а она как не слышит. Побежала я по соседям, от избы к избе. Домой уже не одна — с соседками вернулась, легче было скорую дожидаться, да и бабуленька моя вроде как оправилась. На кровать легла, а вскорости даже ходить по дому порывалась — не могла, вишь, она в затрапезном виде доктору показаться.

Ну а доктор на бабуленьку любоваться не стал, давление измерил, укол сделал, кардиограмму посмотрел.

— Всё ясно, — говорит. — Расставаться не будем. Придётся вам, Ирина Петровна, какое-то время в нашей компании провести...

Увезли бабушку в больницу, и осталась я одна-одинешенька. Наревелась на полжизни вперёд. Благо после полудня вернулась соседка, успокоила, что бабуленька моя получше себя чувствует, доктора говорят, состояние стабильное, опасений не вызывает. Но у меня и после этого слёзы всё лились и лились. Так что коровушку нашу соседка доила. А я и уснуть не могла. Какой тут сон! Всё ругала себя, что вместе с бабуленькой не поехала. Была бы с ней рядом. Пусть даже в коридоре, если в палату не пустят...

И тут мелькнула мысль: меня в палату можно не пустить, а Веретёнке, поди, и разрешения не надо, сама, где захочет, объявится. Может, она уже у бабушки?.. А может, даже не знает, что с ней приключилось?

Задумалась я над тем, как дело поправить. Но не долго думала. Да и о чём тут размышлять? Веретено на месте, что делать — знаю, что говорить — помню. Нашла веретено, встала посреди кухни, приноровилась, крутанула и скороговоркой:

*Веретёнка, Веретёнка,
Вейся, нитка, вейся тонка,
Красной девкой обернись,
В светлой горнице явись!*

Выросло веретено, и вот уже различим цветным узором шитый сарафан.

— И-и-и-их!

И ногою топнула, и замерла — в таком же кокошнике, с такими же монетами серебряными, но только вовсе даже не старушка, а девочка, моя ровесница. Смотрит на меня большущими глазами и улыбается.

— Ну, здравствуй, что ли, Дарьюшка!

— Здравствуй, — отвечаю. — Ты кто такая?

— Да как же, — улыбнулась она смущённо. — Веретёнушка я.

— А Веретёнка где?

— Не знаю я никакой Веретёнки.

— Вот те на! Имя одно, и вдруг не знаешь?

Совсем сконфузилась моя гостья: улыбку спрятала, взгляд в сторону отвела.

— А если бы и знала... О посторонних нет и не будет у нас разговора.

Похоже, крепко я её чем-то обидела. А чем — понять не могу.

— Ну, не будет, так не будет. Только какая же она мне посторонняя? Она бабушки моей подруга, а бабуленька...

Тут меня словно кто за ниточку дёрнул: разом и горло перехватило, и слёзы полились. Ничего из-за слёз не вижу, только чувствую — чья-то тёплая ладонь у виска, только слышу — голос тихий, но очень отчётливый:

— Не расстраивайся. И не переживай. Не о чем тебе переживать.

— Ты что-то знаешь?

Она головой покачала:

— Ты тоже теперь знаешь...

— Странная ты какая-то.

Усмехнулась Веретёнушка:

— Можно подумать, ты не странная. Не подглядываешь за бабуленькой в щёлочку, не таишься на печке...

Щёки мои запылали:

— Ты!.. Ты подглядывала за мной! Да я тебя!..

Кого «тебя»? Нет никого — ни напротив, ни справа, ни слева. Исчезла Веретёнушка.

Я, конечно, расстроилась. Надо было по-хорошему — глядишь, и ещё что-нибудь о бабуленьке узнала бы. А теперь сиди и теряйся в догадках. Впрочем, теряться уже не получалось... Раз уж сказано, что переживать мне не о чем.

Задремала я, а проснулась — солнце едва ли не в зените. Ну и принялась за домашние хлопоты. Всё шло своим чередом, пока дело не дошло до дойки. Странно: как это при бабушке всё у меня получалось, а без неё — хоть брось. Я доить — телёнок к вымени лезет. Телёнка отогнала — Маруська не даёт. Вроде приладилась, а тут козлёнок решил, что сейчас самое время бодаться. Ну и полетела я с подойником в обнимку под Маруську. Есть от чего расплакаться. Сижу на чурбаке, носом шмыгаю, слёзы по щекам размазываю. Вдруг слышу:

— Не реви! Молоко прокиснет.

Веретёнушка! Вернулась! Как же я обрадовалась, но виду не показываю.

— Ну и пусть прокиснет. Кому его пить?

— Бабушке, конечно. Тоже мне внучка.

— Бабушке... Как я его доставлю? Больница знаешь где?

— А это уже не твоя забота.

Сняла Веретёнушка кокошник, повязала платок и фартук, Маруське что-то на ухо шепнула, погладила её, по загривку потрепала и села на чурбан. Зазвенело молоко по стенкам подойника. От этого звона мне вроде как и спокойнее стало. Подумала: «Бабуленька, поди, переживает, что Маруська не доена...»

— Уже не переживает, — не оборачиваясь, отчётливо произнесла Веретёнушка. Я поначалу онемела. Потом, одолев смущение, всё же спросила:

— Ты что же, мысли мои читаешь?

Обернулась Веретёнушка, улыбнулась, плечами пожала.

— Зачем же читать? Мы просто с тобой беседуем.

— Какое же это «просто»? Про Маруську я только подумала, а вслух не говорила. Значит, ты мысли мои услышала?

— Как же их не услышать — ты так громко подумала.

— Постой-постой! Что значит «громко подумала»?

— То и значит, что громко. Почти как вслух.

— По-твоему, можно думать громко и тихо. А шёпотом?

Веретёнушка взглянула на меня удивленно:

— Можно и шёпотом...

— А бабушка... Она откуда узнала, что Маруська подоена?

— От тебя, разумеется. О моём существовании она и знать не знает. Маруська — существо неразумное. Ты одна и остаёшься — больше никому.

Вы могли бы поверить в этот бред?... А я поверила. Почудилось мне, а может, и впрямь услышала, как бабуленька скороговоркой промолвила: «Ну и слава тебе, Господи!» Ина сердце полегчало. А Веретёнушка тем временем молоко процедила, наполнила бутылку, бумажной пробкой её заткнула и... за разговорами не заметила я, как и когда исчезла эта бутылка. Ну да этому я уже не удивлялась.

— Телепортация, — произнесла значительно, дескать, понимаю, в чём тут дело.

— То-то и оно, — отозвалась Веретёнушка. — В телевидении всё дело.

Я, признаться, эту фразу пропустила мимо ушей. Бабушка частенько так же ворчит, хотя у неё и телевизора нет. Из благ цивилизации в деревне — только электричество. На что тут сетовать?

Веретёнушка руки о фартук — ну прямо как бабуленька моя, — тщательно вытерла, к столу присела, руки калачиком сложила.

— Чайку?

— Чайку, — согласилась я. — Только ты сиди. Я управлюсь.

Веретёнушка спорить не стала, прислонилась спиной к стене, приумолкла и вдруг запела:

*На заре... Ой да на заре,
На румяной зореньке
Расцветал... Ой да расцветал
Синь цветков лазоревый.*

Это была та самая песня, которую я подслушала у бабуленьки с Веретёнкой, и которую однажды невзначай запела при бабушке. Как же тут не подтянуть!

Села я напротив Веретёнушки, и второй куплет пропели мы вместе, расходясь в конце на два голоса:

*На заре... Ой да на заре,
На румяной зореньке*

*Сорыва... Ой да сорывала я цветок,
Да синь цветок лазоревый.*

Приподняв указательный палец, дала мне знать Веретёнушка, что третий куплет начнёт она. Впрочем, это я и без знака поняла.

*На заре... Ой да на заре,
На румяной зореньке
Выступа... Ой да выступала я
На калиновый мосток,
Приноси... Ой да, приносила я цветок,
Да синь цветок лазоревый.*

Уже без всяких знаков следующий куплет я запевала:

*На заре... Ой да на заре,
На румяной зореньке
Опуска... Ой да опускала я в поток
Мой лазоревый цветок,
Да синь цветок лазоревый...*

Следующего куплета этой едва ли не бесконечной песни я не помнила. Почти без остановки ещё выше его затянула Веретёнушка:

*На заре... Ой да на заре,
На румяной зореньке
Уноси... Ой да уносил...*

Вдруг Веретёнушка замолчала. На мой вопросительный взгляд головой покачала:

— Дальше там нехорошо всё сложилось. Тяжёлая песня.

Возразить ей я бы и не успела — чайник вскипел, наполнив кухню задорным свистом. Принялись мы чаёвничать. А меня словно свербит. Упросила я Веретёнушку рассказать, о чём же дальше в песне поётся. А поётся о том, что унесло течением цветок, но милый друг так и не вернулся, не объявился, не дал знать о себе. И тогда девушка бросилась в реку, чтобы поток унёс её к возлюбленному, чтобы она могла исполнить клятву не разлучаться с ним до самой смерти.

— Давай допоем. Хорошая песня.

— Нет-нет, не упрашивай, — покачала головой Веретёнушка.

А я настырная:

— Значит бабушке моей можно, а мне нельзя, да?

— Нельзя, — отрезала Веретёнушка. — Бабушка твоя о своём горе поёт, которое уже свершилось. А тебе такое горе на свою голову зачем накликаешь?

— Ты хочешь сказать, что песня... Да ладно, слышали уже: не буди Лихо, пока тихо.

— И Лихо тоже... Ты что же думаешь, что песня — это забава? Песня — это судьба. Песней можно горе накликаешь, а можно беду отогнать. Впрочем, откуда тебе об этом знать? Вы песни развлечения ради поёте. Да и не поёте — слушаете...

— Да поём мы. Надо будет — хором споём. И что? От этого все проблемы разом исчезнут?

— Зря ты так, — обиделась Веретёнушка. — Вот ты спрашиваешь, как я мысли читаю. Тебе это в диковинку. А мне в диковинку, что вы друг друга не слышите. Уши своими наушниками законопатили, в мониторы уткнулись — и ничего не видите, не слышите. Слепые вы. Не глазами — сердцем. Только и знаете, что «лайки» бросать да постить-перепостивать...

— Ты про лайки и посты откуда знаешь?

— От тебя. Это ты так подумала. Только что. Но промолчала...

Не найдя, что сказать, глянула я на Веретёнушку и брякнула:

— Чем бы нам ещё заняться?

— Уборку сделать бы.

— А так, чтобы «по моему хотению» — не получится?

— Не-а, — усмехнулась Веретёнушка.

— А может, завтра?..

— Завтра бабуленька твоя вернётся.

— Как?

— Да вот так! Мне, говорит, домой вернуться — лучшее лекарство. А тут у меня сердце не на месте. Только зря таблетки переводить будете.

Узнаю бабуленьку. Она к нам в город в гости приехала — на неделю, — а только день и погостила.

С уборкой провозились мы до вечера. Трижды подступала я к Веретёнушке с вопросом, который не давал мне покоя. Дважды она отнекивалась-отшучивалась, а на третий раз пристально на меня посмотрела и переспросила:

— Я откуда взялась?.. А ты, вот такая, как есть, откуда взялась?

— Мама меня родила.

— Ну, это понятно. А дальше что?

— Как это что? Жила, росла, в садик пошла, потом в школу...

— Вот-вот, — Веретёнушка вздохнула. — Наглядный пример...

Меня, разумеется, заело: мало того, что обвиняют, так ещё не понятно, в чём.

— Пример чего?

— Я уж и не знаю, как это назвать. Ты к словам-то своим прислушайся: росла... Пошла... И всё сама по себе?

— Ну, не сама — мама за руку водила, папа водил...

— Нет, всё не то, — огорчилась Веретёнушка. — Не понимаешь. Ты ещё на свет не появилась, но уже жила, и были вы с мамой единое целое — плоть от плоти. И маме не нужен был ни мобильный телефон, ни будильник, ни умная книжка, чтобы понять, чего ты хочешь. А ты понимала, чего хочет мама. Желания могли не совпадать, но вы, по крайней мере, слышали друг друга. А что сейчас? Где твоя мама?

— В городе...

— Ну, это понятно. А что она делает?

— На работе, должно быть. Работает.

— Вот-вот, — Веретёнушка прошла по комнате. — Да мама твоя, чтоб ты знала, места себе не находит. Чувствует что-то неладное, а с кем беда — понять не может, вот и мается. Ей самой в пору доктора вызывать, а ты ничего не чувствуешь.

Меня как током ударило. Вряд ли я что-то почувствовала, кроме стыда: последние дня три, а то и больше я о маме, пожалуй, ни разу не вспомнила. А теперь вдруг страшно за неё сделалось.

— Слушай, — схватила я Веретёнушку за руку, — помоги ей. Я знаю: ты можешь!

— Я ей кто? — с холодком спросила она. — И кто ей ты? Мне достучаться или тебе захотеть?

— Что делать-то? — растерялась я.

— Да в том-то и дело, что делать ничего не нужно. Ты поговори с ней, успокой. Можешь вслух, можешь и мысленно.

— А если не получится?

— Ты хотя бы попробуй!

Я, конечно, попробовала. Только не просто это. Мысли путаются, топчутся на одном месте, а то вдруг забегают вперёд. Как это сложно — привести их в порядок, выбрать самые важные, самые нужные! Не буду утверждать, что это у меня получилось, но, сама не знаю отчего, появилась вдруг уверенность, что маме стало легче и она успокоилась.

С Веретёнушкой мы расстались за полночь. О себе она мне так ничего и не рассказала, как я ни допытывалась. Мы могли бы встретиться утром, стоило только крутануть веретено, но почему-то мне очень важно было со всеми делами и утренними хлопотами управиться самой. Постоянно думалось, что за моими стараниями неотрывно следит бабуленька, и по мере приближения к дому сердце её бьётся ровнее и чище.

А бабуленька приехала не одна. Подкатила к дому наша машина. Из нее вышла мама, а следом — бабушка, которая тут же принялась хлопотать — жарить, парить, тесто затворять, печь затапливать...

— Да куда ты с печью! — возмутилась мама. — В духовке испекла бы.

— Настоящие калачи только из печи! — макнув в муку указательный палец, мазнула бабушка маму по носу и обе рассмеялись.

Отъезд был назначен на следующий день. И всё из-за Анталии. Дался мне этот курорт! Но путёвки были куплены, билеты заказаны. Не кататься же маме попусту туда-сюда.

Бабуленька делала вид, что ничуть не расстроена. Мы с мамой делали вид, что вполне ей верим, но я-то знала, что будет она скучать. Пуще прежнего. Именно поэтому не смогла я прихватить бабушкино веретено. Понадеялась, что вполне достаточно будет заклинания, а нет — в городе куплю.

Так всегда случается: не было нужды — видела я в продаже веретено в магазине рукоделия, на рынке, в магазине сувениров, а припекла нужда — нет как нет, хоть шаром покати.

Пыталась я без веретена обойтись. Как ни твердила заклинание, не явилась Веретёнушка, но я почувствовала, что она меня слышала, была рядом. Да она, мне кажется, всегда со мной рядом, — напеваю ли я, о себе ли рассказываю. И у неё — я знаю, — всё хорошо, кроме того, что встретиться нам не удаётся.

Ну да ничего, это дело времени. Если на рынке не куплю, Вовку попрошу — он мне на уроке труда веретено выточит. Придётся с ним в кино сходить, но ради подруги чего не сделаешь!

Скоро свидимся, Веретёнушка!

Обязательно свидимся.